

Иллюстрации к моему детству нарисованы простым карандашом. Легкие наброски на уличном ватмане точно передают ощущение сырости и безотчетной тревоги.

В отличие от сверстников, гоняющих мяч да шайбу, я любил играть в ветер. Правила необычайно просты: в ветренную погоду, обломав тополиную ветку, я устраивался в укромном местечке и наблюдал за хлопающими в ладоши листьями. Настороженные взрослые водили меня к специалистам-психологам, показывали дурацкие картинки, задавали еще более дурацкие вопросы, после чего определили в садик-интернат, где научили глядеть исподлобья, ненавидеть молочную пенку и массовые мероприятия. Впрочем, последние были настолько однообразны, что из нудных походов в ТЮЗ и бесконечных уборок территории запомнилась экскурсия в библиотеку.

Мрачная, таинственная тишина книгохранилища была пропитана шепотками и пряным запахом книжной пыли. Стеллажи-небоскребы. За окном, обманутая идеальной чистотой стекла, тополиная парочка — некогда дружное семейство потомственных интеллигентов, ныне обреченное на вырубку. Говорят, бодрые снаружи бледнокожие великаны сгнили в сердцевине, и теперь представляют опасность, особенно в непогоду.

Но иная опасность подстерегала меня, она молча лежала на библиотечном столе и бросалась в глаза красным, вышитым белым бисером, вельветовым кошельком. Пятнадцатикопеечная монета — содержимое кошелька, не задумываясь, перекочевало в карман моих брюк, и, согретая детской ладонью, наполняла воображение то ирисками, то семечками, шелестела билетом на «Лимонадного Джо», а более всего ей хотелось стать «Ленинградским» сливочным мороженым. Трогательных превращений не произошло.

Просторный зал детского сада служил одновременно столовой и комнатой для игр, вмещая обеденные столы, неприкосновенное пианино, и полторы дюжины фанерных стульчиков, разрисованных всякими «чиполлинами». Воспитатели рассадили нас по местам, и Любовь Ивановна, дородная дама с волосяным клубком на макушке, строго подбоченившись, сообщила: «В нашей группе произошло ЧП!»

Пояснив суть происшествия, предложила виновнику сдаться, и, выдержав необходимую паузу, приступила к тщательному досмотру. Вывернутые карманы, и снятые гольфики следствию не помогли. Обыск переметнулся в кабинки для верхней одежды, а через пару минут в дверном проеме выросла статуя Любви Ивановны. Двумя пальцами свободно вытянутой руки она брезгливо держала мои мятые штанишки.

Наказание ждать себя не заставило: воспитатели поставили меня в центр зала и окружили плотным кольцом одноклассников. Любовь Ивановна села за пианино, и по комнате, истерично твякая, запрыгал «Собачий вальс». С искаженными злобой лицами, дети, тыча в меня пальцами, вторили: «ВОР, ВОР, ВОР!»

Дальнейшие события развивались более динамично...

Разные стихотворения

Скрипочка

По вечно неметёным тротуарам
По очереди стелятся шнурки,
Не глубоки холщовые карманы –
Купил цветы и вырастил долги.
Я не читаю более Жэ Сартра,
Я не сдаю анализы на СПИД,
Скучны провинциальные театры,
И только скрипочка моя скрипит,
От «Спартака» в трамвайчике, в окне,
под пение девчоночки-туркменки.
Гляжу на оголенные коленки,
Но думаю, конечно, о тебе.

***

Не признают троллейбусы кумиров,
День провели в мычании протяжном,
Промчались мимо окон как-то важно -
Домой везут последних пассажиров.
Оставив мне от прошлого рутину,
Средь ветхой мебели табачные дымки
Вольются в запах книг и нафталина,
Напоминая аромат тоски.

Сегодня сожаленье не у дел,
Во дне завтрашнем черпаете силы.
Печали капля угодит в чернила
И строчками заполнится пробел.
Теперь до боли мне понятных истин
Жить — значит мыслить,

чувствовать,
страдать,

Искать вне суеты и без корысти
Не разучившись помнить где, и ждать.
Где равнодушие не хлопнет дверью
Перед лицом утрат и огорчений,
И не найдется места недоверью
Для обстоятельств —
жизненных стечений.

И не желаю видеть я друзей,
Что заняты всегда своей судьбою.
Тебя лишь позову.

Приди скорей!

Я жду, когда ты явишься за мною
Отсутствия столь бесконечный век
Мы превратим в минуты совершенства...

***

Ветерок без стыда, без совести
Что-то требует под окном,
Продолжения ищет повести.
Он услышать желает о том,
Как терзает любовь-оборванка,
И клюет перелетная птица
на своих долгожданных стоянках

***

Юлина Аллея

Обещала Юлина аллея
Расстаться к ноябрю
И встретиться в апреле.
И сквозь стекло – затейливый чертеж.
Забытый лист охватывает дрожь.
Расстаться осенью и встретиться весной
Осколком льда,
Холодной занозой.
Меняются погоды, ритмы, позы,
По графику крещенские морозы
Окутаны завесой дымовой.
Обмануты с согласия ветрянок,
Чуть теплых труб, горчичников и льнянок...
И тлеющий окурок холостой
В горшке цветочном медленно седеет.
«Прости!
Прощайте!
Встретимся весной! —
Мне обещала Юлина аллея».

Жажда

Над неизведанной землей
Лучом зенитным, каплей звонкой,
Совой, ползучею змеей,
Койотом рыжим, серым волком
Промчатся, полететь, завывать
И умерев, родиться снова
В утробе древних пирамид
Умолкнуть мумией суровой.
Вдохнув живительный эфир
Снегов Тибета и Аляски,
Понять хочу, как этот мир,
Рождая звук, меняет краски!
Хочу испить одним глотком
Семь тысяч километров Нила.
Хочу сейчас, хочу потом,
Хочу, чтоб ТЫ меня любила!